
**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
THEORY AND METHODOLOGY**

**ЛИНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ РАЗРАБОТОК
РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ
НА РАБОТУ С ИНДИВИДУАЛЬНЫМ
СЛУЧАЕМ**

Н.С. БУРЛАКОВА

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7244-6509>,
e-mail: naburlakova@yandex.ru

В.И. ОЛЕШКЕВИЧ

Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков
имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ (НПЦ ПЗДП имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5734-2760>,
e-mail: ov-6161@mail.ru

В статье представлен анализ линии исследований в отечественной культурно-исторической психологии (прежде всего клинической), опирающейся на изучение индивидуального (единичного) случая. Показано ее принципиальное отличие от других направлений и методологий изучения индивидуального случая. Хотя эта линия исходно опиралась на фундаментальные

идеи Л.С. Выготского, в российской психологии она осталась недостаточно отрефлексированной. На основе обращения к соответствующим текстам Л.С. Выготского поднимается вопрос о направлениях более фундаментальной рефлексии и дальнейшем исследовании идей Л.С. Выготского применительно к разработке индивидуального случая в культурно-исторической психологии. Показаны дальнейшие возможности развития этого подхода на основе разработки методологии Выготского—Бахтина в собственных исследованиях авторов статьи. На этой основе показывается значение интеграции объективной культурно-исторической психологии и феноменологии, герменевтики, диалогической психологии, развиваемых в русле культурно-исторической психологии Выготского—Бахтина. Данная линия исследований не только находит свое применение в решении общепсихологических задач, но и открывает новые возможности в целом ряде прикладных исследований на базе культурно-исторической методологии.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, клиническая психология, методология клинической психологии, прикладная психология, индивидуальный случай.

Для цитаты: Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Линия методологических и прикладных разработок российской культурно-исторической клинической психологии, ориентированной на работу с индивидуальным случаем// Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 144—163. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290409>

RUSSIAN CULTURAL-HISTORICAL CLINICAL PSYCHOLOGY AND ITS METHODOLOGICAL AND APPLIED INVENTIONS AIMED AT ANALYSIS OF INDIVIDUAL CASE

NATALIA S. BURLAKOVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7244-6509>,

e-mail: naburlakova@yandex.ru

VALERY I. OLESHKEVICH

Sukharev Scientific and Practical Centre for the Mental Health of Children and Adolescents, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5734-2760>,

e-mail: ov-6161@mail.ru

In the Russian cultural-historical psychology (in the clinical psychology, first of all), there was a bunch of studies based on the exploration of individual (singular) case. The article focuses on analysis of those studies and demonstrates principal difference of the approach used in them from other methodologies and approaches to the analysis of individual case. Russian perspective was originally based on the fundamental ideas of Lev S. Vygotsky; nevertheless, they were not sufficiently reflected in the Russian psychology. Examining Vygotsky's texts, the authors discuss more profound reflection and further development of Vygotsky's ideas as applied to the analysis of the individual case in the cultural-historical psychology. The article shows the possibilities to elaborate this approach on the basis of concepts by Lev Vygotsky and Mikhail Bakhtin and gives own studies of the authors as an example of such an elaboration. Furthermore, the article argues that the integration of objective cultural-historical psychology and phenomenology, hermeneutics, dialogical psychology would be of significance if developed in the direction of cultural-historical psychology of Vygotsky — Bakhtin. Such an approach allows to address general psychological issues and opens up new opportunities in certain applied studies in the field of cultural-historical psychology.

Keywords: cultural-historical psychology, clinical psychology, methodology of clinical psychology, applied psychology, individual case.

For citation: Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Russian Cultural-Historical Clinical Psychology and its Methodological and Applied Inventions Aimed at Analysis of Individual Case. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* = *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 144—163. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290409>

Введение

В современной психологии на фоне широкого распространения различного рода частичных узко предметных и методологически разному ориентированных исследований, данные которых сложно соотносятся друг с другом и которые, как оказалось, трудно проверить и воспроизвести [42], все больше внимания начинает уделяться качественным исследованиям, которые традиционно обращаются в том числе к научному потенциалу индивидуального случая [10; 31], и шире к перспективам качественных исследований, вопросам методологии (-ий), на которой (-ых) они основываются [11; 17; 20]. Возможность прикоснуться к реальному психологическому опыту и исследовать его, которая подчеркивается в качестве преимущества сторонниками современных качественных исследований, на новом витке возвращает нас к более ранним этапам развития психологической науки — знаменитым психоаналитическим случаям, случаям,

описанным в иных областях клинической психологии и психологии личности, психотерапии, где глубокий интерес к индивидуальному случаю и индивидуальной истории дал возможность для появления новых эвристик. Без обращения к индивидуальному случаю кажется невозможным обратиться к исследованию опыта переживаний и понимания произведений искусства и художественного творчества, представить работу исторического познания. Не меньшую ценность индивидуальный случай, как отдельный материал и способ познания, имеет и в медицине.

Анализ индивидуального случая в клинической психологии будет занимать разное место в различных научных традициях, использоваться в зависимости от решаемых задач в самых разных функциях. Среди них вспомогательная, иллюстративная (например, проявления болезни или расстройства) функция; необходимость экспликации самодостаточного эмпирического опыта в практической клинко-психологической работе, консультировании и психотерапии; реализация определенной методологической задачи формулирования случая и т. д. [9; 27; 37; 41]. Если обратиться к истории российской клинической психологии, в особенности к разработке культурно-исторического направления в ней, базирующегося на идеях Л.С. Выготского, то здесь также выражен особый интерес к разработке методологии использования индивидуального случая, причем как в рамках общепсихологических исследований, уточнения общетеоретических положений, так и в рамках прикладной психологии.

В данной статье мы обращаемся к индивидуальному случаю не просто как к отдельному клиническому случаю, но прежде всего как к *инструменту общепсихологического исследования, позволяющего разрабатывать общепсихологическую проблематику*. В частности, такой подход можно несколько условно соотнести с парадигматическим использованием индивидуального случая [38]. Однако Л.С. Выготский разрабатывал этот подход именно с точки зрения культурно-исторической психологии, обращаясь к индивидуальному (единичному) случаю, размышляя о методе, благодаря которому будет развиваться культурно-историческая психология, в чем видится существенное отличие. Для российской клинической психологии этот подход был характерен прежде всего. Его можно представить, по нашему мнению, даже в виде отдельной линии методологических разработок индивидуального случая в культурно-исторической клинической психологии или линии методологических разработок российской культурно-исторической клинической психологии, ориентированной на работу с индивидуальным случаем. Анализ этой методологической линии разработок и составляет цель данной статьи.

Своеобразие исследовательского подхода к индивидуальному случаю в культурно-исторической клинической психологии

В культурно-исторической психологии, истоком которой стали идеи Л.С. Выготского, изучается становление и формирование психики, идущее извне (от культуры, от некоторой структуры социальных отношений) внутрь, к психическим организованностям. *Это касается как нормы, так и патологии.* Поэтому анализ отклоняющегося развития, патологических психических форм также рассматривается в культурно-историческом и генетическом разрезе.

Подчеркнем, что российская культурно-историческая психология в *историческом плане также* в значительной мере формировалась с опорой на клинический эмпирический материал. Единство методологии культурно-исторической психологии, патопсихологии и, шире, клинической психологии было в российской психологии исходно, складывалось исторически. В качестве одного из аргументов можно привести тот факт, что многие идеи Л.С. Выготского в значительной мере возникали и оттачивались на базе изучения нарушений психического развития у детей [15; 29]. Тесная связь становления российской психологии на базе изучения нарушений психики, наблюдаемых у пациентов психиатрической, дефектологической, неврологической клиник [16; 39], в некоторой степени указывает на ее сходство с французской патопсихологией, в частности, в лице П. Жане, которая оказала непосредственное влияние на Л.С. Выготского.

А.Р. Лурия, как единомышленник Л.С. Выготского, изучая высшие психические функции, подтвердил закономерности развития психики, выделенные Выготским, в целом ряде своих самостоятельных исследований [1; 40]. Развивая концепцию Л.С. Выготского, А.Р. Лурия разрабатывал понимание нейропсихологической феноменологии на основе методологии культурно-исторической психологии. И здесь снова одной из центральных тем оказалась тема анализа индивидуального случая. А.Р. Лурия настаивал на точном описании индивидуальных случаев, в переработанной и обобщенной форме квинтэссенция этих случаев стала основанием для ставших широко известными его работ. Анализу некоторых индивидуальных случаев А.Р. Лурия посвятил отдельные монографии («Маленькая книжка о большой памяти» [18]; «Потерянный и возвращенный мир» [19]). Например, в книге «Потерянный и возвращенный мир» отчетливо видно, как имеющиеся у больного нарушения высших психических функций не «изымаются» из его реальной жизни, из того социального опыта, в который он был погружен, не отделены от личности пациента. А.Р. Лурия дает звучание двум «голосам»: «голосу» пациента (который перенес тяжелое ранение

мозга в Великую Отечественную войну) и «голосу» исследователя. «Голос» пациента представлен через его личные дневниковые записи (интроспективные наблюдения в связи со своим состоянием), сведения из которых эмпатично и внимательно анализируются. Тем самым сохраняются связь с «живыми фактами» и анализ конкретных целостных психических явлений.

Внутри идей широко понимаемой культурно-исторической психологии оригинальную методологию понимания и изучения индивидуально-го случая в российской клинической психологии также разрабатывал и В.Н. Мясищев [21].

Б.В. Зейгарник стремилась активно интегрировать идеи К. Левина, Л.С. Выготского, а также представление, в большей мере ассоциированное со взглядами французской психиатрии об «естественном жизненном эксперименте», каковым является психическая болезнь, с возможностями экспериментальной психологии того времени. Она формирует культуру патопсихологического исследования, которую до сих пор называют «патопсихологическим экспериментом» [3; 16; 22; 28; 34]. И здесь объективно мы вновь сталкиваемся с необходимостью глубокого изучения индивидуального случая и уяснения живой его конкретики в условиях психиатрической клиники как с задачей клинико-психологического обследования пациента [8].

Вместе с тем длительное время ведущим направлением развития культурно-исторической психологии в России была *ориентация на построение именно объективной психологии*. Эту линию исследований, выполненных прежде всего с опорой на индивидуальные случаи, можно проследить, начиная также с работ Л.С. Выготского, затем она разрабатывается П.Я. Гальпериным [13], в клинической психологии А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник и другими учеными. Если брать современный этап, то на основе идей Л.С. Выготского помимо патопсихологии и нейропсихологии в российской клинической психологии сложилась культурно-исторически осмысленная психосоматика, психология телесности [23; 26; 30; 43], представлены изучение расстройств личности, аффективной патологии [27; 32], изучению подвергся ряд психических феноменов (например, нарциссизм, перфекционизм) в рамках их социальной и культурной детерминированности [14; 33; 27]. Однако в последние десятилетия, к сожалению, большинство исследований в российской клинической психологии развернуты в сторону зарубежной нейронауки и становятся все сильнее естественно-научно ориентированными.

Критическое изучение работ авторов, включенных в культурно-историческую клиническую психологию, позволяет сделать следующее заключение: во-первых, столь серьезное значение индивидуаль-

ного случая у большинства вышеназванных авторов появляется по той причине, что они всегда опирались на достаточно разработанную теорию в своих исследованиях. И эта теоретическая разработанность психологии позволяла осуществлять исследование на небольшом количестве случаев, позволявшим раскрывать потенциал этой теории и показывать ее возможности (вместе с тем это не исключало дальнейшее подтверждение этих выводов на большом массиве данных; хотя это служило лишь окончательной эмпирической верификацией этих выводов, но сами выводы были получены именно опираясь на анализ случая). Во-вторых, данные теории были ориентированы на раскрытие механизма функционирования психики и ее нарушений; индивидуальный случай в связи со своей конкретностью давал возможность для проверки теории, поскольку в центре самой теории было описание механизма и динамики функционирования психики и ее расстройства, а не просто констатация обобщенных эмпирических свойств. В-третьих, это означает, что сами теории носили более целостный и динамичный характер, не были частными, конкретно-эмпирическими, в отличие от позитивистски выстроенных концепций. Во всем этом и состоит принципиальное отличие значения обращения к индивидуальному случаю в культурно-исторической психологии.

Сопоставляя значение индивидуального случая в культурно-исторической психологии и значение индивидуального случая в современных качественных исследованиях, подчеркнем, что в последних случай может иметь самодостаточное значение и рассматриваться сугубо эмпирически, безотносительно к какой-либо теории. В культурно-исторической психологии индивидуальный случай не может существовать без теоретического обрамления, случай как бы следует за теорией.

Подчеркнем, что несмотря на отдельную прочерченную линию обращения к индивидуальному случаю в истории российской культурно-исторической клинической психологии и ее своеобразии, на сегодняшний день эта неотъемлемая часть традиции уходит в тень. Это означает, что к индивидуальному случаю исследователи обращаются все меньше, а многие вопросы методологии применения индивидуального случая в культурно-исторической психологии остаются неразработанными и неотрафлексированными. В связи с этим представляется необходимым обратиться к исходным идеям Л.С. Выготского по поводу индивидуального случая и еще раз методологически их осмыслить. Идеи, о которых будет идти речь далее, были в центре внимания Л.С. Выготского и представляли для него ценность не только в рамках описательной, но и в рамках объяснительной психологии. Л.С. Выготский стремился обосновать и отстоять необходимость обращения к индивидуальному случаю и методологически и теоретически.

Значение изучения индивидуального случая в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского

Л.С. Выготский, как известно, в значительной мере исходил из анализа искусства, что является одним из оснований для возможности сближения его идей с идеями М.М. Бахтина [2]¹ в едином методологическом поле культурно-исторической психологии. Произведение искусства прежде всего требует понимания, а затем на его основе уже возможно исследование. И в частности, из того, что условием всякого исследования является понимание, в этой линии культурно-исторической психологии выводится важное следствие — *ориентация психологического понимания и исследования на конкретный и индивидуальный случай*. Также как при изучении художественной культуры, мы в начале опираемся на понимание и исследование конкретного текста и автора, так и в психологии по-настоящему понять можно прежде всего конкретную личность, группу и т. п. Эти идеи психологического понимания и исследования начали активно разрабатывать М.М. Бахтин и Л.С. Выготский. При формировании своих подходов к индивидуальному случаю они опирались на западно-европейский опыт исследований, идущий от М. Вебера, в частности, опыт исследования М. Вебера об идеальных типах; неокантианцев; понимающую психологию; феноменологию К. Ясперса и др. Например, Л.С. Выготский [12] в работе «Исторический смысл психологического кризиса» специально прорабатывает идею организации психологического исследования именно на материале индивидуального случая и стремится разработать соответствующую методологию. Здесь открывается возможность в конкретном психологическом исследовании соединить объективную и феноменологическую точки зрения и понять конкретные психологические механизмы психических явлений.

В данной статье представляется важным обратиться к анализу тех идей Л.С. Выготского, которые сфокусированы на значении индивидуального случая для сущностного понимания психических явлений и их общепсихологического изучения. В своих текстах Выготский отстаивает фундаментальное значение исследования индивидуального случая в психологии в контексте разработки своего аналитического метода.

¹ Вклад М.М. Бахтина в методологию работы с индивидуальным случаем особых аргументаций не требует, поскольку все его работы выстроены вокруг изучения индивидуальности, живых речевых актов, жанров, стилей и пр. О характере методологии М.М. Бахтина и ее осмыслении для различных задач психологического исследования мы писали ранее в различных контекстах [4; 5; 7].

В описательной психологии Л.С. Выготский встречает широкое применение изучения индивидуальных случаев. Здесь психика исследуется с точки зрения своей внутренней, имманентной причинности или просто описательно. Например, в феноменологическом анализе такое исследование может напоминать изучение треугольника самого по себе, как это происходит в математике. Но, согласно Л.С. Выготскому, в каузальной психологии мы тоже можем из единичного наблюдения вывести общую закономерность, используя *аналитический метод*. И он старается отстоять право психологии на изучение индивидуального (единичного) случая. Для этого он стремится разработать свой аналитический метод.

Л.С. Выготский исходит из понятия объективной науки, которая изучает сущности явлений. В этом отношении естественные науки и психология не различаются, все это наука и ее методы должна объединять некоторая общность. А она состоит в аналитичности науки и ее метода. Во всех науках анализу подвергаются некоторые однородные и типичные явления. Выготский пишет в этой связи: «Метод анализа в естественных науках и в каузальной психологии состоит в изучении *одного* явления, *типичного* представителя целого ряда, и выведении отсюда положения обо всем ряде» [12, с. 402].

Вопрос состоит только в том, как найти это одновременно типичное и единичное явление, которое является представителем всего рода этого типа явлений. Это, конечно, предполагает предварительный анализ всей группы явлений и выделение их сущности, которую представляет понятие этого ряда явлений. Именно на основе такого понятия мы можем подобрать для дальнейшего изучения, для детального анализа единичное явление, которое является адекватным и типичным представителем всего ряда таких явлений.

Но психическое, социальное и т. п. явления еще и складываются в обществе. Их сущность может находиться не в них самих, а внутри тех общественных отношений, внутри которых они формируются. И изучая эти явления, мы можем как раз и открыть в них эту сущность. А для этого может быть достаточно исчерпывающего изучения одного такого явления. Такой подход существовал и в марксизме: «Наши марксисты, разъясняя гегелевский принцип в марксистской методологии, правильно утверждают, что каждую вещь можно рассматривать как микрокосм, как всеобщую меру, в которой отражен весь большой мир. На этом основании они говорят, что изучить *до конца*, исчерпать одну какую-нибудь вещь, один предмет, одно явление — значит познать весь мир во всех его связях. В этом смысле можно сказать, что каждый человек есть в той или иной степени мера того общества, или, скорее, класса, к которому он принадлежит, ибо в нем отражена вся совокупность общественных отношений» [12, с. 403].

Данный подход открывает путь познания от единичного к общему. К такому выводу здесь приходит и Выготский: «Мы видим уже из этого, что познание из единичного к общему есть ключ ко всей социальной психологии; нам нужно отвоевать для психологии право рассматривать единичное, индивида как социальный микрокосм, как тип, как выражение или меру общества» [12, с. 403]. Здесь предполагается, прежде всего, что всякая человеческая психология социальна и что всякое психическое явление отражает общество, в котором оно развивается. Это и создает условия возможности объективного анализа в психологии и вообще возможность каузальной психологии. Отсюда и происходит задача научиться изучать индивидуальное психологическое явление как презентацию общего, т. е., как некоторый микрокосмос всего общества, которое и формирует, производит и развивает данное явление. И такое право исследования единичных явлений может иметь только культурно-историческая психология. Здесь общее в единичном — это культурно-историческая природа психического явления, его социальная структура, которую необходимо раскрыть в единичном явлении. Это явление можно или раскрыть посредством его анализа, или искусственно сформировать, чтобы показать его культурно-историческую природу.

Пожалуй, в этом отношении за Л.С. Выготским последовал в российской психологии во второй половине XX века прежде всего П.Я. Гальперин, который тоже настаивал на том, что психология должна изучать не феномены, не явления, а именно сущность явлений, причем так же, как Л.С. Выготский, он ориентирован именно на объективную психологию. П.Я. Гальперин развивает идею Выготского о том, что сущности психических явлений в начале находятся в форме индивидуума и именно посредством их интериоризации можно формировать психическое явление с заранее заданными свойствами. П.Я. Гальперин создает концепцию планомерного формирования умственных действий, основным принципом которой является максима: исследовать значит сформировать [13]. П.Я. Гальперин вслед за Л.С. Выготским считает, что если психическое явление уже сформировано, то мы не в состоянии понять его действительную глубинную структуру, но это можно сделать только изучая процесс формирования этого явления. И это возможно осуществить именно на материале индивидуального случая. П.Я. Гальперин показывает в своих многочисленных работах, что именно на основе такого индивидуально-психологического исследования только и можно понять внутреннюю организацию психических явлений.

Но в развернутом виде идея того, что сущность человеческой психики находится в обществе, в заданных обществом отношениях, и что мы можем проследить интериоризацию этих отношений в психическую организацию индивида, так и не получила надлежащего развития в рос-

сийской психологии, особенно в рамках *дальнейшей разработки аналитического метода*. А с этой точки зрения мы в конечном счете должны предположить, что объективированные общественные отношения и их структуры, отношение в данной культуре к ребенку, структура семьи и пр. в значительной мере априорно задают структуру и характер психической организации последующего развития самосознания ребенка. Если мы понимаем это, то мы действительно способны, изучая микрокосмос психики отдельного индивидуума, усмотреть в нем большой макрокосмос того общества, внутри которого происходит его развитие. Таким образом, индивидуальный случай, если рассматривать его культурно-исторически, можно увидеть как бы с двух сторон: можно стремиться усмотреть в психике индивида интериоризацию всех тех социальных отношений, в которые данный индивид был включен, и увидеть психическую организацию как определенную свернутость этих отношений. Но мы можем также, изучая индивидуальный случай, стремиться реконструировать тот социальный мир, внутри которого происходило формирование самосознания человека.

Наука всегда работает с сущностями и идеальными объектами. В этом состоит некое общее правило построения науки в целом. Например, почему данные изучения одного газа физик может перенести на все газы? Выготский полагает, что это происходит потому, что в результате применения индукции было получено понятие газа, и потому, что здесь в отдельном газе физик изучает общее свойство газов. А это уже результат анализа. Отсюда он заключает: «Итак, анализ принципиально не противоположен индукции, а родственен ей: он есть высшая ее форма, отрицающая ее сущность (многократность). Он опирается на индукцию и ведет ее. Он ставит вопрос; он лежит в основе *всякого эксперимента; всякий эксперимент есть анализ в действии, как всякий анализ есть эксперимент в мысли*; поэтому правильно было бы назвать его *экспериментальным методом*» [12, с. 403].

Таким образом, анализ снимает индукцию. И на высшем уровне анализа мы можем получить более глубокий материал, чем дает индукция. И именно на основе анализа оказывается возможен эксперимент, который является его развитием, когда анализ реализуется в действии. Но вначале мы всегда предпринимаем эксперимент в мысли. И все это анализ. Это и заставляет Выготского назвать анализ экспериментальным методом, ибо в основе эксперимента всегда лежит анализ, и он сам есть эксперимент в нашем мышлении.

Но для этого в анализе должно существовать абстрагирование от всего несущественного, а затем должна осуществиться и операция идеализации полученного искусственного объекта. Ведь в физике берут не просто любой газ, а одновременно оперируют с идеальной моделью газа,

абсолютно упругого тела и т. п. Но эта же операция абстрагирования существует уже в простой индукции, а затем и в эксперименте.

Когда мы экспериментируем, то, согласно мысли Выготского, изучаем некоторый ряд явлений и распределяем выводы на разные группы, например, на всех людей, на школьников, на деятельность и т. д., а анализ и предлагает объем распределения выводов, т. е. выделение в изучаемых явлениях общих для данной группы черт. Наконец, в эксперименте мы всегда наблюдаем один выделенный признак явления, и это снова является следствием работы анализа. Здесь следовало бы добавить, что это и результат работы абстракции.

В этой связи Л.С. Выготский анализирует пример исследований И.П. Павлова, изучающего в собаке животное вообще, а в слюноотделении — рефлекс вообще. И это оказалось возможным, поскольку Павлов «максимально абстрагировал» изучаемое явление от специфических условий единичного явления и «увидел в единичном общность» [12, с. 404]. Аналогичные абстракции исследования на единичных случаях видит Выготский и у А.А. Ухтомского в его изучении доминанты, и у Ч. Шеррингтона в его открытии принципа борьбы за двигательное поле у животного при изучении почесывательных и сгибательных рефлексов задних ног.

Итак, что же можно назвать ближайшей сущностью, когда мы, например, хотим понять особенности развития ребенка. С точки зрения психологии Л.С. Выготского, это, конечно же, будет структура семьи и особенности тех социальных отношений, которые складываются в ней. Для понимания особенностей развития самосознания ребенка мы должны изучить, каким образом эти внешние социальные отношения трансформируются в особенности развития самосознания ребенка и его внутренних диалогов, на основе которых формируются высшие психические функции, психологические системы и пр. Общая направленность понимания и объяснения здесь однозначна: внешнее, социальное организует развитие внутреннего, психического, из внешнего общения рождается внутренняя саморегуляция. Другими словами, общение ребенка и взрослого (за которым в свою очередь встает широкий круг социальных институтов, семиотических средств и т. д.), а затем и детей друг с другом — все это по отношению непосредственно к ребенку есть внешнее. Понимая и объясняя внешние отношения, мы будем способны понять и объяснить психическую организацию ребенка. Это непросто, поскольку на пути интериоризации социальные отношения сложным образом трансформируются, их интериоризации может предшествовать экстериоризация внутреннего опыта, его проекции и т. п. Но общий ход анализа верен и никем особенно сегодня не оспорен. Неслучайно вся психотерапевтическая психология работает в направлении реконструк-

ции, раскрытия и трансформации сложившихся в социальном взаимодействии структур и механизмов, запускающих возможное психическое расстройство и инкорпорированных в психике пациента. И только натуралистическая, а также построенная на методологии позитивизма академическая психология, возражая которой Л.С. Выготский и отстаивает значение изучения индивидуального случая, этому противостоит.

В продолжение размышлений над идеями Л.С. Выготского психологические исследования на материале индивидуальных случаев, по всей видимости, можно было бы ранжировать по оси идеализации. Можно изучать *отдельный клинический случай* с генетической точки зрения, но можно на основе обследования определенной клинической группы выбрать *типичный* для нее случай. Тогда предварительно изучая данную группу, мы выделяем некоторое ядро изучаемого феномена, которое присутствует у всех людей, входящих в нее. Для этого мы перебираем все клинические случаи в группе и обнаруживаем в них, например, *общую структуру семьи*, внутри которой происходило формирование расстройства. А затем уже выбираем для подробного анализа случай, в котором эта типичная структура семьи особенно ярко проявляется. Но мы можем пойти и далее по линии идеализации, объединяя в одну группу и другие группы (классы исследуемых лиц), и выделить некоторый *идеальный тип*, который одновременно станет идеальным объектом нашего исследования. Например, таким образом можно выделить идеальный тип мальчика-подростка. В таком случае можно подобрать для этого наиболее подходящий вариант и начать на его материале изучать существенные особенности подростка, характерные для нашей культуры.

Таким образом, в связи со всем вышесказанным возникают две методологических проблемы. Первая из них связана с выбором материала индивидуального случая. Как мы уже говорили, речь здесь идет об использовании индивидуального случая для решения именно общепсихологических задач (в том числе и в клинической психологии). В этом смысле материал индивидуального случая должен презентировать саму психологическую проблему, т. е. это может быть или типичный случай, характеризующий определенную социальную группу, психологический возраст и т. п., или индивидуальный случай, который может быть осмыслен как идеальный объект научного исследования. В зависимости от задач психологического исследования эта проблема может решаться по-разному [4; 5; 6; 24; 25; 36].

Вторая проблема состоит в организации всестороннего анализа индивидуального случая в смысле живого проявления психической организации в ее целостности и в том, чтобы избежать простых срезов и редукций этой живой психической реальности. В этом также состоит

ценность индивидуального случая и его методологическое значение. Решение этой проблемы требует многостороннего системного и целостного аналитического подхода к материалу индивидуального случая. Один из подходов к решению этого круга задач на примере проблемы идентичности и ее диффузии мы продемонстрировали в своей монографии об Э. Эриксоне [6].

Заключение

В рамках культурно-исторической психологии в целом, индивидуальный случай — это всегда развертывание истории жизни человека в обществе; соответственно он предполагает как генетический, так и культурологический анализ, как анализ культурной среды развития, так и изучение инкорпораций этой внутренней среды в развитие индивидуального самосознания и на этой основе понимание его функционирования, воспроизводства, развития. В этом смысле происходит объединение объективного и феноменологического анализа, взгляда на развитие извне и понимания развития изнутри работы самого самосознания. В культурно-исторически выстраиваемой прикладной (или практической) клинической психологии в этом отношении оказывается особенно важным пристальное внимание к изучению и анализу психологического анамнеза, построению клинико-психологической беседы, к новому уровню рефлексии патопсихологического эксперимента и пр., что и представляется здесь непосредственным живым материалом для изучения психического развития пациента [8].

В этом отношении любой индивидуальный случай может представлять интерес для психолога, если исследователь, следуя Выготскому, понимает его культурно-исторически, видит индивидуальную психику как отображение большого макрокосмоса культуры. То есть рассматривает человека не натуралистически, а именно культурно-исторически, рассматривает здесь не факты жизни, не стимулы и реакции, а определенный тип развития самосознания личности, как следствие ее включения в определенные формы культуры, социальные отношения, которые отображаются и трансформируются во внутренних диалогах самосознания. Похоже именно так видел судьбу культурно-исторической психологии Л.С. Выготский, согласно его текстам. В свою очередь мы в своих работах попытались продолжить эту линию исследований в контексте разработки детской культурно-исторической психологии, изучения истории психотерапии и ее процесса, исследования природы некоторых клинико-психологических понятий и знаний и т. д. [5; 6; 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина Т.В. А.Р. Лурия: жизненный путь // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 8. № 2. С. 2—10.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.С. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. 300 с.
3. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
4. Бурлакова Н.С. Внутренний диалог в структуре самосознания и его динамика в процессе психотерапии: дисс. ... канд. психол. наук / МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 1996. 234 с.
5. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2001. 352 с.
6. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания). М.: ООО «ИПЦ -Маска», 2011. 305 с.
7. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Феноменологический метод в психологии: движение к адаптации в духе позитивизма или к развитию? // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25(1). С. 8—27. DOI: 10.17759/cpp.2017250102
8. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Развитие практики и методологии патопсихологического эксперимента (традиция московской школы патопсихологии). Издание при поддержке РФФИ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. 272 с.
9. Бурлакова Н.С., Федорова Ю.Н. Метод формулирования случая в практико-ориентированном исследовании // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 1. С. 109—129. DOI: 10.17759/cpp.2016240108
10. Бусыгина Н.П. Научный статус методологии исследования случаев // Консультативная психология и психотерапия. 2009. №. 1. С. 5—29.
11. Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. М.: ИНФРА-М, 2013.
12. Выготский Л.С. Собрание соч. в 6 т. Т.1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
13. Гальперин П.Я. Поэтапное формирование как метод психологического исследования // Гальперин П.Я., Карпова С.Н. Актуальные проблемы возрастной психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 93—110.
14. Гаранян Н.Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 42 с.
15. Глозман Ж.М., Степанченко Т.В. Л.С. Выготский и А.Р. Лурия: истоки сотворчества // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 93—101.
16. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1986. 287 с.
17. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009. 301 с.
18. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. Ум мнемониста. М., 1968. 352 с.
19. Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир (история одного ранения). М., Изд-во МГУ, 1971. 272 с.
20. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020. 236 с.

21. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. 425 с.
22. *Николаева В.В.* Б.В. Зейгарник и патопсихология // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 3. С. 13—21.
23. *Николаева В.В.* Влияние хронической болезни на психику. М.: Изд-во МГУ, 1987. 166 с.
24. *Олешкевич В.И.* Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера. 2-е изд. испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 341 с.
25. *Олешкевич В.И.* Рождение новой психотехнической культуры. М.: ЭКОС, 1996. 180 с.
26. Психосоматика: телесность и культура / В.В. Николаева, А.Ш. Тхостов, Ю.П. Зинченко, Г.А. Арина и др. М.: Академический проект, 2009. 311 с.
27. *Соколова Е.Т.* Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 896 с.
28. *Соколова Е.Т.* Культурно-историческая и клинико-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 2. С. 37—48.
29. *Степанова М. А.* Культурно-историческая дефектология Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 5. С. 92—108.
30. *Тхостов А. Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
31. *Харламенкова Н. Е.* Анализ единичного случая как метод исследования личности // Журнал практического психолога. 2014. № 2. С. 9—24.
32. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 61—74.
33. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Нарциссизм, перфекционизм и депрессия // Консультативная психология и психотерапия. 2004. № 1. С. 18—35.
34. *Холмогорова А.Б.* Клиническая психология. Т. 1: Общая патопсихология. М.: Издат. центр «Академия», 2010. 464 с.
35. *Akhutina, T.V.* L.S. Vygotsky & A.R. Luria: Foundations of neuropsychology // Journal of Russian and East European Psychology. 2003. № 41(3—4). P. 159—190.
36. *Burlakova N., Oleshkevich V.* Reconstructing dynamics and history of a child's self-consciousness development: A phenomenological study // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. № 94. P. 122—131. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.02.15
37. *Eells T.D.* Handbook of psychotherapy Case Formulation. N.Y.; London: Guilford Press, 2006. 448 p.
38. *Flyvbjerg B.* Five misunderstandings about case-study research // Qualitative inquiry. 2006. Vol. 12 (2). P. 219—245.
39. *Glozman J. M.* Vygotsky in applied neuropsychology // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. № 4. P. 73—79. DOI: 10.11621/pir.2016.0406
40. *Luria A. R.* The working brain. New York: Basic Books, 1973. 400 p.
41. *Manassis K.* Case Formulation with Children and Adolescents. N.Y.; London: Guilford Press, 2014. 244 p.
42. *Nosek B. et al* Estimating the reproducibility of psychological science [Электронный ресурс] // Science. 2015. Vol. 349. № 6251. P. DOI: 10.1126/science.aac4716 URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aac4716> (дата обращения: 05.04.2016).

43. Tkhostov A. Sh. Prospect of development of L.S. Vygotsky's ideas in clinical psychology // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. № 9(4). P. 205—214. DOI: 10.11621/pir.2016.0415

REFERENCES

1. Akhutina T.V. A.R. Luriya: zhiznennyi put' [The Life of Alexander Luria]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology], 2012, vol. 8, no. 2, pp. 2—10. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In Bakhtin M.S. Sbranie sochinenii. v 7 t. T. 6 [Collected Works, in 7 vols. V. 6]. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kul'tury [Russian Dictionaries. Languages of Slavic Culture Publ.], 2002. 300 p. (In Russ.)
3. Bratus' B.S. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [Anomaly of personality]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 301 p.
4. Burlakova N.S. Vnutrennii dialog v strukture samosoznaniya i ego dinamika v protsesse psikhoterapii [Internal dialogue in the structure of self-awareness and its dynamic in the process of psychotherapy] : dis. ... kand. psikhol. Nauk [Ph.D. Dissertation]. MGU imeni M.V. Lomonosova [Lomonosov Moscow State University]. Moscow, 1996. 234 p. (In Russ.)
5. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Proektivnye metody: teoriya, praktika primeneniya k issledovaniyu lichnosti rebenka [Projective Techniques: Theory and Practical Application to the Examination of Child's Personality] Moscow: In-t obshchegumanitarnykh issledovaniy [Institute of General Humanitarian Research Publ.], 2001. 352 p. (In Russ.)
6. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Psikhologicheskaya kontseptsiya identichnosti E. Eriksona v zerkale lichnoi istorii avtora (opyt issledovaniya prirody kliniko-psikhologicheskogo znaniya) [Psychological conception of identity developed by E.Erikson from the perspective of E.Erikson's personal history]. Moscow: OOO «IPTs "Maska"» [Mask Publ.], 2011. 305 p. (in Russ.)
7. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Fenomenologicheskii metod v psikhologii: dvizhenie k adaptatsii v dukhe pozitivizma ili k razvitiyu? [Phenomenological Approach in Psychology: Moving towards Positivism Style Adaptation or towards Development?]. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2017. T. 25 (1). S. 8—27. DOI: 10.17759/cpp.2017250102 (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Razvitie praktiki i metodologii patopsikhologicheskogo eksperimenta (traditsiya moskovskoi shkoly patopsikhologii) [athopsychological Experiment: Evolution in Practice and Methodology (Tradition of Moscow Pathopsychological School)]. Izdanie pri podderzhke RFFI [Supported by Russian Foundation for Basic Research]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow State University Press], 2020. 272 p. (In Russ., abstr. in English)
9. Burlakova N.S., Fedorova Yu.N. Metod formulirovaniya sluchaya v praktiko-orientirovannom issledovanii [Example of Practice-Oriented Research Based on Case Formulation Method]. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2016. T. 24, № 1. P. 109—129. DOI: 10.17759/cpp.2016240108 (in Russ., abstr. in Engl.)

10. Busygina N.P. Scientific prospective of case study methodology [Nauchnyi status metodologii issledovaniya sluchaev]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2009, vol. 17, no. 1, pp. 9—34. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Busygina N.P. Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii [Methodology of quantitative research in psychology]. Moscow: INFRA-M Publ., 2013. (In Russ.)
12. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii. V 6 t. T.1* [Collected Works: in 6 vols. V. 1]. Moscow: Pedagogika [Pedagogy Publ.], 1982. 488 p. (In Russ.)
13. Gal'perin P.Ya. Poetapnoe formirovaniye kak metod psikhologicheskogo issledovaniya [Stage-by-Stage Formation as a Method of Psychological Investigation]. In: Gal'perin P.Ya., Karpova S.N. *Aktual'nye problemy vozrastnoi psikhologii* [Actual Problems of Developmental Psychology]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow State University Press], 1978, pp. 93—110. (In Russ.)
14. Garanyan N.G. Perfeksionizm i vrazhdebnost' kak lichnostnye faktory depressivnykh i trevozhnykh rasstroystv [Perfectionism and hostility as personal factors of depressive and anxiety disorders]: avtoref. dis. ... d-ra psikh. nauk [Dissertation Abstract]. Moscow, 2010. 42 p. (In Russ.)
15. Glizman Zh.M., Stepanchenko T.V. L.S. Vygotskii i A.R. Luriya: istoki sotvorchestva [L.S. Vygotsky and A.R. Luria: Origins of Co-creation]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology]. 2004. № 6. Pp. 93—101. (In Russ.)
16. Zeigarnik B.V. *Patopsikhologiya* [Pathopsychology]. Moscow: Izd-vo MGU [Moscow State University Press], 1986. 287 p. (In Russ.)
17. Kvale S. *Issledovatel'skoe interv'yū* [Research interview]. Moscow: Smysl Publ., 2009. 301 p. (In Russ.)
18. Luriya A.R. *Malen'kaya knizhka o bol'shoi pamyati. Um mnemonista* [The Mind of a Mnemonist: A Little Book About A Vast Memory]. Moscow, 1968. 352 p. (In Russ.)
19. Luriya A.R. *Poteryannyi i vozvrashchennyi mir (istoriya odnogo raneniya)* [Lost and Regained World: The History of a Brain Wound]. Moscow, Izd-vo MGU [Moscow State University Press], 1971. 272 p. (In Russ.)
20. Mel'nikova O.T., Khoroshilov D.A. Metodologicheskie problemy kachestvennykh issledovaniy v psikhologii [Methodological problems of quantitative research in psychology]. Moscow: Akropol' [Acropolis Publ.], 2020. 236 p. (In Russ.)
21. Myasishchev V.N. *Lichnost' i nevrozy* [Personality and Neuroses]. Leningrad: Izd-vo LGU [Leningrad State University Press], 1960. 425 p. (In Russ.)
22. Nikolaeva V.V. *B.V. Zeigarnik i patopsikhologiya* [Zeigarnik and Pathopsychology]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2003. T. 24, № 3. Pp. 13—21. (In Russ.)
23. Nikolaeva V.V. *Vliyanie khronicheskoi bolezni na psikhiku* [Effect of Chronic Illness on Psyche]. Moscow: Izd-vo MGU [Moscow State University Press], 1987. 166 p. (In Russ.)
24. Oleshkevich V.I. *Psikhologiya, psikhoterapiya i sotsial'naya pedagogika A. Adlera* [Psychology, psychotherapy and social pedagogics of A. Adler]. 2-e izd. ispr. i dop. [2nd edition, corrected and upgraded] M.: Yurait, 2020. 341 p. (In Russ.)
25. Oleshkevich V.I. *Rozhdeniye novoi psikhotehnicheskoi kul'tury* [Birth of the new psychotechnical culture.]. Moscow: EKOS Publ., 1996. 180 p. (In Russ.)

26. Psikhosomatika: telesnost' i kul'tura [Psychosomatics: Corporeality and Culture]. Ed. by Nikolaeva V.V. et al. Moscow: Akademicheskii proekt [Academic Project Publ.], 2009. 311 p. (In Russ.)
27. Sokolova E.T. Klinicheskaya psikhologiya utraty Ya [Clinical Psychology Self-Loss]. Moscow: Smysl Publ., 2015. 896 p. (In Russ.)
28. Sokolova E.T. Kul'turno-istoricheskaya i kliniko-psikhologicheskaya perspektiva issledovaniya fenomenov sub"ektivnoi neopredelennosti [Cultural-psychological and clinical-psychological perspectives of research of phenomena of subjective uncertainty and ambiguity]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]. 2012. № 2. Pp. 37—48. (In Russ.)
29. Stepanova M. A. Kul'turno-istoricheskaya defektologiya L.S. Vygotskogo [Cultural-historical defectology of L.S. Vygotsky]. Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]. 2020. T. 66, № 5. Pp. 92—108. (In Russ.)
30. Tkhostov A. Sh. Psikhologiya telesnosti [Psychology of Corporeity]. Moscow: Smysl Publ., 2002. 287 p. (In Russ.)
31. Kharlamenkova N. E. Analiz edinichnogo sluchaya kak metod issledovaniya lichnosti [Analysis of a singular case as method for exploration of personality]. Zhurnal prakticheskogo psikhologa [Journal of Practical Psychologist]. 2014. № 2. Pp. 9—24. (In Russ.)
32. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Kul'tura, emotsii i psikhicheskoe zdorov'e [Culture, Emotions and Mental Health]. Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]. 1999. № 2. Pp. 61—74. (In Russ.)
33. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Nartsissizm, perfektsionizm i depressiya [Narcissism, Perfectionism and Depression]. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2004. № 1. Pp. 18—35. (In Russ.)
34. Kholmogorova A.B. Klinicheskaya psikhologiya. T. 1: Obshchaya patopsikhologiya [Clinical psychology. V. 1: General psychology]. Moscow: Izdat. tsentr «Akademiya» [Academia Press], 2010. 464 p. (In Russ.)
35. Akhutina T.V. L.S. Vygotsky & A.R. Luria: Foundations of neuropsychology. *Journal of Russian and East European Psychology*, 2003. Vol. 41(3—4), pp. 159—190.
36. Burlakova N., Oleshkevich V. Reconstructing dynamics and history of a child's self-consciousness development: A phenomenological study. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2020. Vol. 94, pp. 122—131. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.02.15
37. Eells T.D. Handbook of psychotherapy Case Formulation. N.Y.; London: Guilford Press, 2006. 448 p.
38. Flyvbjerg B. Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative inquiry*, 2006. Vol. 12 (2), pp. 219—245.
39. Glzman J. M. Vygotsky in applied neuropsychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9(4), pp. 73—79. DOI: 10.11621/pir.2016.0406
40. Luria A. R. The working brain. New York: Basic Books, 1973. 400 p.
41. Manassis K. Case Formulation with Children and Adolescents. N.Y.; London: Guilford Press, 2014. 244 p.
42. Nosek B. et al Estimating the reproducibility of psychological science [Electronic resource]. Science. 28 Aug 2015: Vol. 349, Issue 6251, pp. DOI: 10.1126/science.

aac4716 URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aac4716> (accessed on 05.04.2016).

43. Tkhostov A. Sh. Prospect of development of L.S. Vygotsky's ideas in clinical psychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9(4), pp. 205—214. DOI: 10.11621/pir.2016.0415

Информация об авторах

Бурлакова Наталья Семеновна, кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры нейро- и патопсихологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7244-6509>, e-mail: naburlakova@yandex.ru

Олешкевич Валерий Иванович, кандидат философских наук, клинический психолог высшей категории, старший научный сотрудник, Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ (НПЦ ПЗДП имени Г.Е.Сухаревой ДЗМ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5734-2760>, e-mail: ov-6161@mail.ru

Information about the authors

Natalya S. Burlakova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7244-6509>, e-mail: naburlakova@yandex.ru

Valery I. Oleshkevich, PhD in Philosophy, Clinical Psychologist of the Highest Category, Scientific and Practical Sukhareva Center for Mental Health of Children and Adolescents, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5734-2760>, e-mail: ov-6161@mail.ru

Получена 10.02.2021

Received 10.02.2021

Принята в печать 10.09.2021

Accepted 10.09.2021